

В 1706 г. шведский генерал Рериксон находился с войсками под Ляховичами. Ему нужно было переправиться на другой берег реки Ведьмы через построенный мост. Однако его конь прошёл по мосту несколько шагов, а дальше не шёл. Никто не мог понять, в чём дело. Генерал приказал перевернуть доски, и оказалось, что прямо под конём находилась икона. Было приказано икону перенести в церковь, только после этого конь перешёл по мосту на другой берег [9].

Однако лишь наиболее истовые приверженцы Рериха приняли эту часть «семейной истории» за чистую монету. Уж слишком очевидно основывается она на простом сходстве имён Рериксона, художника Рериха и легендарного Рюрика. А вот о том, «кто возвратился в Швецию», упоминают все биографии и справочные издания — и русские, и англоязычные. Потомки этого реэмигранта (точнее его не назовёшь) выдвинулись впоследствии как тамплиеры. Лучшую родословную для склонного к оккультизму Николая Рериха вряд ли можно придумать. Первым (вторым) Рерихом на русской земле был, вероятно, прадед Николая, шведский офицер, сражавшийся под знамёнами Карла XII, а после его поражения перешедший на службу к Петру Великому. Рюриксон сказал: «С Богом не воюю», вдруг встал на колени, взмолился перед поруганными иконами из церкви св. Григория, осознал, нападши и сжёгши Ляховичи Ходкевича, что он в глубине души человек русский и православный... А воевать против самого себя как-то не пристало лютеранину и шведу! Ирония судьбы через сто лет. В конце XVI в. некий Рюрик-Рерих предаёт Рюриков, бежит из России в замковые Ляховичи от деспотии своего родича, потом в Ливонии убегает в Швецию от гетмана Ходкевича, а в начале XVIII в. другой Рериксон нападает на Ляховичи, осаждает и взрывает замок спасителя его деда Ходкевича-Сапеги, здесь же снова предаёт своего шведского короля и бежит в Россию. В начале XX в. очередной Рерих посещает Ляховичи, рисует развалины замка и через 13 лет снова «спешно покинул большевистский Петроград», или, по-простому, «рерихи» снова бросают «очередную родину» — Россию [8].

Заключение. История города Ляховичи, в силу малоизученности истории малых городов, остаётся загадкой по сей день. Бесконечная смена власти — Польша, Российская империя, СССР — привела к переписыванию истории. Некоторые моменты искажали, некоторые намеренно не записывали. Теперь мы живём в другое время, когда забытые истории маленьких городов вносят большой вклад в общую картину исторического развития Беларуси, по крупицам восстанавливая картину давно прошедших дней.

Список цитируемых источников

1. Беларусь в государственной и церковной жизни [Электронный ресурс]. URL: http://www.holytrinitymission.org/books/russian/belarus_athanasy_martos.htm (дата обращения: 16.04.2016).
2. Туровские уставы 14 века [Электронный ресурс]. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XIV/Turov_ustav_desjatin/text.phtml (дата обращения: 25.04.2016).
3. Гісторыка-дакументальная хроніка Ляхавіцкага раёна / рэд-склад. В. У. Скалабан ; рэдкал. І. П. Шамякін (гал. рэд), Г. К. Кісялёў [і інш.]. Мінск : Беларус. савец. энцыкл., 1989. 439 с. : іл.
4. Турианский М. З глыбіні стагоддзяў. Тадэвуш Райтан // Ляхавіцкі веснік. 1992. № 45—49.
5. Воспоминания Фёдора Евлашевского [Электронный ресурс]. URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Evlasevskij_Fedor/text.phtml?id=13047
6. Энциклапедыя гісторыі Беларусі / пад рэд. Г. П. Пашкова. Беларус. энцыкл. імя П. Броўкі, 2003. Т. 6/2. С. 582.
7. Official Website of the House of Hohenzollern [Электронный ресурс]. URL: <http://www.preussen.de/en/heute.html> (дата обращения: 25.03.2016).
8. Турианский М. З глыбіні стагоддзяў. Тадэвуш Райтан.
9. Турианский М. Мальтийский Орден в Беларуси и Польше.

УДК 930.1

А. В. Литвинский

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи

КИЕВСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА В КОНТЕКСТЕ ЛОКАЛИЗАЦИИ ПРАРОДИНЫ СЛАВЯН: ОБЗОР ИСТОРИОГРАФИИ КОНЦА XX — НАЧАЛА XXI В.

Введение. Определение славянской прародины относительно давно (с XIX в.) и прочно представляет интерес для отечественных и зарубежных специалистов: историков, археологов, лингвистов, антропологов, а в последнее время и генетиков. Пожалуй, это основной вопрос в русле научно-теоретического осмысления процесса этногенеза славян. Ответы на него предлагались разные, и нельзя утверждать, что научное сообщество акцентированно склонилось к какому-нибудь одному мнению. Сама специфика проблемы препятствует её определённому и однозначному решению. Во-первых, в данном случае слависты испытывали и испытывают значительный дефицит информации по причине относительной скудности исторических источников. К примеру, начальная история германцев гораздо лучше ими обеспечена — ведь античные авторы много и охотно писали о варварах, которые с конца II в. до н. э. стали головной болью правителей Римского государства и продолжали ею быть до самого падения Западной Римской империи в 476 г. Иными словами, если даже считать, что первым реальным политическим образованием у германцев было протогосударство готов, существовавшее в IV в. на территории

Черняховской археологической культуры, то от первого упоминания имени германцев в 222 г. до н. э. (впрочем, датировка представляется спорной [1, с. 12—13]) до времени первой серьёзной попытки государственно-политической легализации германцев прошло свыше 500 лет, а за это время накопилось немало источников по проблеме происхождения германцев. В случае же со славянами дело обстоит не так, появляются они под своим именем довольно-таки поздно (первые письменные источники, в которых упоминаются склавины, относятся к VI в.), и сведений об их предыстории, на наш субъективный взгляд, явно недостаточно [2, с. 18—96].

Во вторых, у многих исследователей этногенеза славян как представителей предыдущих поколений, так и наших современников, вызывает нечто подобное на смущение факт «взрывообразного» появления славян на просторах Восточной, Центральной и Юго-Восточной Европы. Однако этот факт надо как-то объяснить. Учёные, за относительно редким исключением, придерживаются в данном вопросе довольно консервативной позиции, которую с некоторой долей условности можно охарактеризовать в качестве примордиалистской. Да, они признают, что в процессе славянизации названных несколькими строками выше регионов Европы имели место ассимиляционные явления (особенно на Балканах), но в целом эта славянизация носила характер расселения из некоего региона постоянного проживания, который, в общем-то, и можно рассматривать в качестве славянской прародины. И вот здесь возникает методологическая проблема: что считать славянской прародиной?

На первый взгляд кажется, что особой-то проблемы и нет, поскольку большинство археологов довольно-таки уверенно утверждают — славяне вышли из ареала Пражской (или, как её зачастую называют, Пражско-Корчакской) культуры, с которым связывают, согласно сообщению готского историка Иордана, регион расселения склавинов [3]. Однако традиционным в исторической науке является отнесение к предкам исторических славян также и антов, которые были носителями пусть и во многом похожей на Пражскую, но всё же другой, Пеньковской археологической культуры. Но дело не только в этом, а еще и в том, что очень трудно определить время возникновения Пражской культуры. Как указывает один из современных специалистов россиянин И. О. Гавритухин, «исследования конца 1980—1990-х гг. позволили выделить и охарактеризовать более ранний пласт Пражской культуры, датированный не позднее второй половины IV в.» [4, с. 8]. Существовала ли она ранее, вопрос остается открытым.

Во всяком случае, стоит поискать археологическую культуру, которую можно было бы назвать прародительницей Пражской. В качестве таковой всё чаще называется Киевская археологическая культура. Специалисты по-разному оценивают место данного феномена в контексте происхождения славян. Рассмотрению их позиций и посвящена наша статья. При этом не ставится задача всеобъемлющего анализа историографии проблемы (это и невозможно в рамках статьи). Мы ограничимся указанием на основные точки зрения и охарактеризуем их, оставляя за собой право высказать и своё мнение. В качестве хронологических рамок исследования выбран период с 80-х гг. XX в. до наших дней, поскольку именно в течение этого периода происходило интенсивное открытие памятников и накопление артефактов данной культуры, а сама она была включена в контекст славянского этногенеза. Правда, если возникает необходимость, в статье характеризуются идеи, высказанные ранее 80-х гг. XX в., продолжавшие сохранять научную актуальность и в последующий период.

Основная часть. Памятники, территориально и хронологически сопоставимые с гораздо более поздним понятием «Киевская археологическая культура», стали известны научному сообществу ещё до Октябрьской революции 1917 г. На территории Беларуси их первооткрывателем может считаться известный этнограф и фольклорист Е. Р. Романов, проводивший раскопки в районе Нового Быхова. В самостоятельную культуру данный комплекс памятников выделил украинский исследователь В. Н. Даниленко [5, с. 290]. Впрочем, в интересующий нас контекст данную группу памятников (во всяком случае, на территории Беларуси), ещё не конституированную в качестве отдельной культуры, с 60-х гг. XX в. включил известный белорусский археолог Л. Д. Поболь, являвшийся последовательным сторонником поиска истоков славянства на землях Верхнего и Среднего Поднепровья [6]. Традиционно считается, что Киевская культура существовала во II—V вв.

Ареал Киевской культуры охватывает довольно значительную территорию и, похоже, имеет тенденцию к расширению, поскольку соответствующие артефакты множатся из года в год в результате раскопок. Его основная часть с наиболее изученными памятниками распространяется на Гомельскую и Могилёвскую области Беларуси, на Киевскую, Сумскую и Черниговскую области Украины, а также на Брянскую и Курскую области России. К сожалению, последствия аварии на Чернобыльской атомной электростанции существенно ограничивают возможности исследователей, однако уже накопленного материала достаточно для того, чтобы сформулировать определённые выводы и вести научную дискуссию.

В ходе данной дискуссии выяснилось несколько позиций по вопросу о роли Киевской археологической культуры в славянском этногенезе: от довольно решительного отрицания этой роли (правда, иногда с существенными оговорками) до почти безусловного её признания. Как фактически всегда бывает в научном мире, между этими крайностями уместились промежуточные позиции, причём комбинации аспектов и нюансов в этих случаях разнообразны. Основной же вопрос, как было сказано выше, сводится к следующему: является ли Киевская археологическая культура предковой для Пражской и Пеньковской культур?

Даже не самому добросовестному студенту исторического факультета известно, что долгое время специалисты в области славянского этногенеза выбирали, по сути, из двух основных версий происхождения славян, при этом отвечая на вопрос: на западе или на востоке от Вислы искать их корни? Сразу же отметим, что приверженцы Висло-Одерской гипотезы происхождения предков многих народов Европы, считавшие, что на территории Польши сформировался единый славянский этнос, ну никак не могли рассматривать территорию Киевской культуры в качестве славянской прародины: ни первичной, ни вторичной, поскольку фактически невероятной выглядела бы

версия, согласно которой уже сформировавшиеся славяне в полном составе переселились в Поднепровье и только оттуда начали своё распространение по Европе. В современной историографии определённым исключением представляется позиция В. Л. Носевича, о которой речь пойдёт ниже [7].

Однако и сторонники того, чтобы искать истоки славянства к востоку от Вислы, а также те учёные, кто предполагал относительно раннюю их миграцию на восток из Висло-Одерского региона, до поры до времени обращали своё внимание вовсе не на ареал Киевской культуры, а на территорию Черняховской культуры, либо считая её преимущественно славянской, либо находя в её полиэтничности место для славян. И только в последние десятилетия в науке постепенно, однако не безусловно, возобладала точка зрения, согласно которой Черняхов принадлежит истории готов, хотя авторитетный специалист, российский археолог В. В. Седов до конца дней своих отстаивал тезис о значительной роли славян в становлении и функционировании Черняховской культуры [8, с. 150—186].

Интерес к Киевской культуре как предковой для славян возрастал по мере того, как осознавалось довольно резкое различие в уровнях Черняховской и Пражской культур, при этом сравнение было явно не в пользу Праги-Корчака. Правда, тот же В. В. Седов в ряде работ высказал по-своему аргументированное предположение о том, что неприязнательность Пражской и Пеньковской культур объясняется страшными результатами разгрома всего и вся, учинённого в регионе гуннами [9].

Однако высказывались и другие объяснения данного факта. Например, российский археолог М. Б. Щукин отмечал по этому поводу: «Если бы большая часть черняховского и пшеворского населения продолжала жить на своих прежних местах, трудно себе представить, чтобы даже в условиях жесточайшего кризиса оно полностью утратило все свои навыки и традиции» [10]. Иными словами, гуннское нашествие могло, конечно же, привести к огрублению и примитивизации культуры, но вряд ли изменило бы её структуру. При этом М. Б. Щукин приводит так называемый «мисочный» аргумент, согласно которому кухонная утварь «пражан» и «пеньковцев» не включала в себя, за очень редким исключением, глиняных мисок. Значит, их почти не было и в предковой культуре, а ведь Черняховская культура явственно «мисочная» [11]. Вывод из этого — «черняховцы», как и обитавшие на северо-запад от них носители Пшеворской археологической культуры, не могли быть непосредственными предками ни «пеньковцев», ни «пражан», поскольку невозможно себе представить, чтобы население вдруг забыло, как лепить миски. Стало быть, корни славян следует искать вне ареала Черняховской культуры.

Одним из первых, кто аргументировал необходимость локализации славянской прародины севернее Припяти, был немецкий учёный И. Вернер. В публикации, датированной 1972 г., он упрекнул советских археологов, в частности, И. И. Ляпушкина и В. В. Седова, в том, что они попали под власть «чар балтийства» [12, с. 110]. Употребляя это образное выражение, мюнхенский профессор хотел подчеркнуть, что его советские коллеги не видят возможности поместить прародину славян в лесную зону Восточной Европы, точнее говоря, на север и северо-восток от Черняховской культуры, поскольку эта зона покрыта сетью водных объектов, названия которых (гидронимы) уверенно выводятся лингвистами из балтских языков.

В самом деле, после выхода в свет в 1962 г. весьма солидного труда двух выдающихся советских и российских языковедов В. Н. Топорова и О. Н. Трубачёва «Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья» [13], тезис о балтской гидронимии данного региона стал почти общепринятым. В данном контексте представляет интерес тот факт, что концептуальные позиции обоих учёных по вопросам славянского этногенеза, высказанные в других работах, были диаметрально противоположны — соавторы труда, датированного 1962 г., совершенно по-разному определяли хронологию, территорию и характер данного процесса. Правда, в последнее время определённый и немалый скепсис по вопросу о языковой принадлежности данного комплекса гидронимов высказал В. Л. Носевич. Он достаточно категорично заявляет: «Характерно, что гидронимия, имеющая прямые аналогии в Литве и Латвии, в последние десятилетия выявлена практически на всех территориях, где некогда были распространены культуры шнуровой керамики: не только в верхнем Поднепровье, но и на верхнем Дону, в бассейнах Оки, Вислы и Одера, а также по всей Новгородской земле, где о присутствии балтов в железном веке говорить уж никак не приходится. Продолжая по инерции именовать эту гидронимию “балтской”, лингвисты путаются сами и запутывают читателей. Она оставлена носителями древних вымерших языков, остатки которых сохранились (в качестве заимствований) прежде всего в современных балтских языках, но частично также в финских. Именно этот заимствованный лексический пласт определяет специфику литовского и латвийского языков, отличая их от других потомков древнеевропейской языковой общности» [14].

Позволим себе не согласиться с В. Л. Носевичем и напомним, что термин «балты» первоначально имел исключительно лингвистический смысл и обозначал балтоязычные общности. В связи с этим не стоит сомневаться в компетентности языковедов, когда они относят к балтским языкам тот или иной лексический пласт. Вряд ли следует при этом «умножать сущности» и отказывать в балтском происхождении гидронимии Верхнего Поднепровья только на том основании, что слишком обширным тогда получается ареал расселения представителей данной языковой общности в железном веке. Ведь доказать существование в регионе «древних вымерших языков», которые не являлись балтскими, очень трудно, если вообще возможно.

Возвращаясь к характеристике взглядов И. Вернера, отметим, что он утверждал: «Население, следы обитания которого в IV и V вв. обнаруживаются на широких пространствах Белоруссии до верхнего течения Днепра, Десны и до Угры (группа Колочин — Тушемля — Мощина), должно было перед 500 г. уйти на юг, следуя вдоль течения рек. Оно было славянским» [15]. Но как же быть с фактом доминирования в этой части лесной зоны балтской, а не славянской гидронимии? Чтобы самому не оказаться под влиянием «чар балтийства», И. Вернер высказал предположение, что население данного региона, который несколько позже будет определён другими исследователями как ареал Киевской культуры, разговаривало на балто-славянском языке [16].

В этой связи следует напомнить, что проблема соотношения балтских и славянских языков является одной из основных в славистике. Как известно, особую близость этих языковых групп внутри индоевропейской семьи обычно объясняли и объясняют либо фактом существования в прошлом относительно единого балто-славянского языка, либо длительным контактом изначально родственных, но всё же не одинаковых диалектов. Довольно аргументированным, на наш взгляд, является научно-теоретическое положение, согласно которому славянский язык как будто бы «отпочковался» от балтского, пережил несколько присущих ему инноваций, которые обусловили его специфику, и таким образом сосуществует во времени с более архаичными балтскими языками [17].

Археологи, высказывающие своё мнение относительно этнической принадлежности населения Киевской культуры, ориентируются на одну из данных точек зрения. И это несмотря на то, что время от времени ими высказываются мысли о необходимости проведения как можно более строгого в методологическом смысле исследования, при котором археологические концепции должны базироваться на фактах, установленных археологическим путём. Так, по мнению В. В. Седова, «археология в этногенетических изысканиях должна решать вопросы самостоятельно, собственными методами, независимо от данных и результатов лингвистики и других наук» [18]. Вторит ему и М. Б. Щукин: «В каждой из научных областей исследование должно вестись самостоятельно, без оглядки на данные иных наук, сопоставляться, для чистоты эксперимента, должны лишь результаты исследований. К случаям совпадения, очевидно, следует внимательно прислушаться, случаям несоответствия (а они неизбежны, потому что каждая из наук изучает особую сферу и совпадение их отнюдь не обязательно) нужно искать своё объяснение, поскольку исторический процесс так или иначе един» [19].

Однако осуществим ли данный принцип на деле во всей его пуристической непорочности? Вряд ли. Во всяком случае анализ методологических установок, которыми руководствуются археологи, исследующие Киевскую культуру, убеждает в том, что они вольно или невольно ориентируются на одну из уже высказанных в лингвистике позиций по балто-славянской проблеме. К примеру, В. В. Седов отрицал славянство данной культуры, потому что был уверен в том, что формирование славянского языка фактически закончилось задолго до её образования, а значит, славянская культура по языковой принадлежности её носителей не могла возникнуть в области доминирования балтской гидронимии [20]. А вот белорусский археолог С. Е. Рассадин, солидаризируясь с языковедами В. В. Ивановым и В. Н. Топоровым [21], утверждает, что балтская гидронимия вовсе не помеха признанию Киевской культуры, как и предшествовавшей ей Юхновской, в качестве праславянских [22]. Как считает исследователь, «итак, уже надо бы ставить вопрос о причинах и механизме выделения славян из единой балто-славянской общности, или, точнее, отделения от единого древнебалтийского массива той его части, из которой потом развилось славянство» [23, с. 232].

Впрочем, периодически в археологической науке высказывается мысль, согласно которой надо воздерживаться от категоричности при определении этнической принадлежности той или иной культуры. По мнению белорусского археолога А. А. Егорейченко, «сведения о племенах лесной зоны Восточной Европы крайне скудны. Нередко они обрастали фантастическими подробностями, что нашло своё отражение в трудах античных авторов. В силу этого соотношение их данных с конкретными археологическими культурами при современном уровне развития знаний весьма проблематично» [24, с. 117].

Каковы же взгляды тех учёных, которые в той или иной степени, признают значительную роль Киевской археологической культуры в славянском этногенезе? Попытку совместить положения о Висло-Одерской и Поднепровской прародинах славян предпринял В. Л. Носевич [25]. В его интерпретации предки славян сначала обитали в ареале Поморской культуры по соседству с германцами (и здесь он в принципе солидарен с В. В. Седовым), а затем они переселились на территорию Верхнего Поднепровья, образовав сначала Зарубинецкую, а затем Киевскую культуру (здесь он расходится во взглядах с В. В. Седовым). Также он в чём-то соглашается, а в каких-то вопросах ведёт полемику с С. Е. Рассадиным. Нахождение предков славян (венетов) в составе носителей Киевской археологической культуры В. Л. Носевич считает важной, но не первой стадией славянского этногенеза.

Интересно расставил акценты российский археолог Г. С. Лебедев. В его гипотезе учтена сложность и неоднозначность этногенетических процессов, происходивших в первой половине I тыс. н. э. на территории лесной зоны Восточной Европы. В интересующем нас контексте он отметил: «Памятники “киевского типа” в Среднем Поднепровье типа Абидня в Белоруссии, типа Почепского селища в Подесенье, распространившиеся во II—IV вв. н. э. во многом близки продолжавшим развиваться культурам штрихованной керамики в Белоруссии или днепродвинской (тушемлинской) на Смоленщине» [26, с. 108]. Население, оставившее «памятники “киевского” типа» он определяет как «венедов», считая их праславянами, непосредственными предками славян [27].

Схожие позиции занимает уже неоднократно упомянутый М. Б. Щукин. «В результате возникшего круговорота событий и начались, возможно, процессы перераспределения изоглоссных областей в балто-славянском континууме диалектов, приведшие к выделению тех из них, которым через некоторое время предстояло стать славянскими. Существенную роль при этом могли сыграть потомки бастарнов, носителей неизвестного нам, несохранившегося языка, сходного, быть может, в равной степени и с кельтскими, и с германскими, принесшим в балто-славянскую среду тот кентумный элемент, который отличает балтские языки от славянских <...>. Волей случая балто-славянский континуум в целом получил от соседних народов имя венетов. Зачатки же собственного славянского самосознания могли зародиться, скорее всего, в рамках того социального единства, которое нашло своё археологическое выражение в виде киевской культуры» [28]. Его гипотезу можно условно назвать гипотезой «венетского котла» (согласно его же выражению), в котором из первоначально разнородных элементов, но при первенствующей роли балтского компонента, и выкристаллизовался, пройдя горнило исторических испытаний, молодой этнос, который впоследствии стал известен под именем славян. И роль такого котла сыграла, по М. Б. Щукину, именно Киевская культура.

Украинский исследователь Р. В. Терпиловский, в мягкой форме полемизируя с петербургскими учёными (в том числе и с Г. С. Лебедевым, и с М. Б. Шукиным) указывает на то, что характерный для археологических памятников киевского типа «культурно-хозяйственный комплекс отличался от провинциально-римской модели высокоразвитой культуры, а с другой — от архаических культур лесной зоны» [29, с. 86] (имеются в виду культура штрихованной керамики, а также днепро-двинская и юхновские культуры). Взаимодействие венетов — носителей Киевской культуры с готами-«черняховцами» не было мирным, и, по мнению Р. В. Терпиловского, некоторое продвижение «черняховцев» на север, в ареал Киевской культуры, фиксируемое археологическими методами, соответствует описанной Иорданом войне между готами и венедами во времена Германариха [30]. Что же касается Пражской культуры, то она, на взгляд украинского учёного, «складывается, вероятно, на основе родственных киевским памятников, находящихся в бассейне Припяти и Тетерева» [31].

Российский учёный А. Г. Фурасьев предлагает расширить понятие Киевской археологической культуры и, вслед за другими исследователями, ввести в научный оборот относительно новый термин «киевская культурно-историческая общность» [32]. Как явствует из названия его работы, важную роль в процессе преобразования данной общности он отводит миграциям, причём не исключает и внутренних конфликтов как одной из причин этих миграций. Представляет интерес мнение А. Г. Фурасьева об истоках Пражской культуры. Учёный справедливо замечает, что «несмотря на то, что в IV в. ещё существует классическая киевская культура, никто из исследователей, даже признавая возможность генетической связи раннепражских памятников с киевскими, не рассматривает первые, как один из локальных вариантов киевской культурно-исторической общности» [33]. При этом Пражская культура, на взгляд исследователя, выглядит слишком просто на стадии своего становления по сравнению с «позднекиевскими памятниками». Как утверждает автор, не представляется возможным найти какое-то переходное звено между «киевскими» и «пражскими» памятниками, поэтому «искать здесь следует не локальную группу памятников, а ту ситуацию, которая могла привести к формированию нового типа древностей» [34]. И хотя мысль учёного, по нашему мнению, не очень явственно выражена, всё же можно понять, что главной причиной образования Пражской культуры он считает внешнее давление, вынудившее часть населения Киевской культуры, особенно её верхнеднепровского варианта (тип Абидни), искать убежище в дебрях Полесья, а уже оттуда начать своё расселение.

По мнению С. Е. Рассадина, начало славянскому этногенезу было положено в процессе взаимодействия носителей археологической культуры постзарубинецкого типа Горошков — Чаплин, которых он склонен отождествлять с поздними венедами/венетами, первоначально германоязычными бастарнами, и днепровских балтов — носителей юхновской культуры. Результатом такого взаимодействия стало возникновение киевской культуры [35]. Балтов-«юхновцев», в свою очередь, он отождествляет с испытавшим скифское влияние этносом, известным в древнерусских источниках под именем «голядь», а в позднеантичных источниках под именем “Goltascytha” [36]. Исследователь объясняет свою позицию: «В результате складывается одна из многочисленных также и в эпоху поздней античности группировок дуального происхождения. Итак, десятки городищ по Сожу, Беседи, Ипути демонстрируют, как на протяжении I—II вв. н.э. в брянских и чечерских лесах видоизменялась исходная зарубинецкая традиция, по своему происхождению не местная, западная, европейская. С другой стороны, без боязни ошибиться, можно предполагать, что их смешанное население должно было владеть одним из древних днепровско-балтских диалектов — именно тем, каким пользовались “юхновцы» [37]. Таким образом, он, также, как и целый ряд учёных, преимущественно археологов, считает, что Киевская культура возникла в результате преобразования комплекса постзарубинецких памятников, итогом функционирования которой стало образование славянского этноса.

Заключение. Конституированная относительно недавно, Киевская археологическая культура едва ли не сразу же стала объектом пристального внимания тех исследователей, которые посвятили своё научное творчество объяснению парадоксов и разгадыванию загадок славянского этногенеза. В данном контексте отношение к Киевской культуре было разным — от решительного неприятия её в качестве этапа вызревания славянского этноса до радости по поводу обретения, наконец, «недостающего звена».

По мере накопления эмпирического материала расширялся ареал данной культурно-археологической общности, уточнялись её хронологические рамки и характер взаимодействия с предшествующими культурами «на входе» и последующими — «на выходе». Немалое внимание уделялось её связям с синхронно существовавшими культурами как лесной, так и лесостепной зоны.

Со временем обнаружилось различные подходы к проблеме этнической атрибуции Киевской культуры и её роли в славянском этногенезе. Те, кто отрицал данную роль, ссылались не только, а зачастую и не столько на аргументы археологического происхождения, сколько на лингвистически обоснованный тезис о балтской сущности культуры. Впрочем, их оппоненты не унывали, парируя этот аргумент с помощью утверждения о относительно позднем формировании славянского языка на основе одного из периферийных балтских диалектов, причём всё чаще высказывалась мысль, что этой балтской периферией как раз и была территория Киевской культуры. Следовательно, эту территорию можно рассматривать в качестве прародины славян.

При этом исследователи отдавали и отдадут себе отчёт в том, что процесс «славяногенеза», говоря языком математики, не был линейным. В частности, если Пеньковскую культуру (антскую по практически всеобщему признанию) уверенно выводят из Киевской, то гораздо сложнее обстоит дело с Пражской культурой, а ведь последняя имеет статус основной культуры ранних славян. Прямой преемственности между «киевлянами» и «пражанами» не наблюдается. Можно сказать, что решение данного вопроса откладывается на будущее. От того, как он будет решён, зависит, признает ли сообщество славистов ареал Киевской культуры в качестве славянской прародины или придётся искать другие варианты её локализации.

Список цитируемых источников

1. Кузьменко Ю. К. Ранние германцы и их соседи: лингвистика, археология, генетика / отв. ред. Н. Н. Казанский. СПб. : Нестор-История, 2011. 266 с.
2. Свод древнейших письменных известий о славянах : в ? т. Изд. 2-е, испр. М. : «Восточная литература» РАН, 1994. Т. I (I—VI вв.). 472 с. : карты.
3. Там же. С. 106—108.
4. Гавритухин И. О. Понятие Пражской культуры // Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света : тр. ГЭ. Вып. XLIX. СПб., 2009. С. 7—25.
5. Мядзведзеў А. М. Кіеўская культура // Археалогія Беларусі : у 4 т. / А. А. Егарэйчанка [і інш.] ; пад. рэд. В. І. Шадыры, В. С. Вяргей. Мінск : Беларус. навука, 1999. Т. 2. Жалезны век і раннія сярэднявечча. С. 290—298.
6. Там жа. С. 290.
7. Носевич В.: 1) Истоки славянства [Электронный ресурс] // Основные вехи этногенеза белорусов. 2010. URL: <http://vln.by/node/176>. (дата обращения: 26.02.2012); 2) Начало великих миграций [Электронный ресурс] // Основные вехи этногенеза белорусов. 2010. URL: <http://vln.by/node/177> (дата обращения: 26.02.2012).
8. Седов В. В. Славяне: историко-археологическое исследование. М. : Языки славян. культуры, 2002. 624 с. : ил.
9. Там же. С. 310—311, 324.
10. Щукин М. Рождение славян. Из истории вопроса. Два пути ретроспективного поиска [Электронный ресурс] // Стратум. Структуры и катастрофы. 1997. URL: http://krotov.info/lib_sec/25_sch/uk/in_1997.htm (дата обращения: 22.07.2012).
11. Там же.
12. Вернер И. К происхождению и распространению антов и склавеносов // СА. 1972. № 4. С. 102—114.
13. Топоров В. Н., Трубачёв О. Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М. : Изд-во АН СССР, 1962. 271 с., карты.
14. Носевич В. Истоки славянства.
15. Вернер И. К происхождению и распространению антов и склавеносов. С. 112.
16. Там же. С. 113.
17. Иванов В. В., Топоров В. Н. К постановке вопроса о древнейших отношениях балтийских и славянских языков. М. : Изд-во АН СССР, 1958. 41 с.
18. Седов В. В. Славяне: историко-археологическое исследование. С. 36.
19. Щукин М. Рождение славян. Из истории вопроса. Два пути ретроспективного поиска.
20. Седов В. В. Славяне: историко-археологическое исследование. С. 69—79, 140—141.
21. Иванов В. В., Топоров В. Н. К постановке вопроса о древнейших отношениях балтийских и славянских языков.
22. Вернер И. К происхождению и распространению антов и склавеносов. С. 232, 271—272, 277, 281—282.
23. Рассадин С. Е. Первые славяне. Славяногенез. Минск : Беларус. экзархат, 2008. 288 с.
24. Егорейченко А. А. Культуры штрихованной керамики. Минск : БГУ, 2006. 207 с. : ил.
25. Носевич, В.: 1) Истоки славянства; 2) Начало великих миграций
26. Лебедев Г. С. Археолого-лингвистическая гипотеза славянского этногенеза // Славяне. Этногенез и этническая история (междисциплинарные исследования) : межвузов. сб. науч. ст. / науч. ред.: А. С. Герд, Г. С. Лебедев. Л. : Изд-во Ленинград. ун-та, 1989. С. 105—115.
27. Там же. С. 114.
28. Щукин М. Рождение славян. Из истории вопроса. Два пути ретроспективного поиска.
29. Терпиловский Р. В. Славяне Поднепровья в первой половине I тысячелетия н. э. Lublin : Wyd-wo Uniw. Marii Curie-Skłodowskiej, 2004. 232 s.
30. Свод древнейших письменных известий о славянах. С. 110—111; Терпиловский Р. В. Славяне Поднепровья в первой половине I тысячелетия н. э. С. 94.
31. Терпиловский Р. В. Славяне Поднепровья в первой половине I тысячелетия н. э. С. 95.
32. Фурасьев А. Г. О роли миграций в этногенезе ранних славян [Электронный ресурс] // Истоки древнерусской государственности. СПб. 2009. URL: <http://www.archaeology.ru/p5/t1800/index.html> (дата обращения: 14.04.2014).
33. Там же.
34. Там же.
35. Рассадин С. Е. Первые славяне. С. 247, 271—272.
36. Там же. С. 277, 280—282.
37. Там же. С. 247, 271—272.

УДК 392(476)

Л. В. Нікалаева

Установа адукацыі «Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт інфарматыкі і радыёэлектронікі», Мінск

ПРАБЛЕМА ФАРМАВААННЯ БЕЛАРУСКАЙ НАРОДНАСЦІ ў XIV—XVI СТ.СТ.

Уводзіны. Неабходна адзначыць, што праблема кансалідацыі насельніцтва беларускіх зямель у адзіны этнас застаецца дыскусійнай і ў наш час. Актуальнасць звароту да гэтай праблемы вынікае з той умовы, што ў многім менавіта ў папярэднім перыядзе развіцця этнічных працэсаў на беларускіх землях хаваюцца крыніцы адметнасці нашага нацыянальнага развіцця. Агульнапрынятая канцэпцыя адзначае, што такая кансалідацыя стала магчымай толькі дзякуючы ўтварэнню Вялікага Княства Літоўскага (далей — ВКЛ) [1, с. 543]. Такім чынам, умовы для фарміравання беларускай народнасці склаліся толькі з сярэдзіны XIII ст.

Асноўная частка. У складзе ВКЛ з'явілася неабходныя палітычныя абставіны ўтварэння беларускай народнасці. Тут была створана адзіная сістэма дзяржаўнага кіравання, уведзена адзінае заканадаўства, што сведчыла аб складванні сістэмы палітыка-прававой цэнтралізацыі ў краіне, узмацненні палітычных сувязей паміж яе рознымі тэрыторыямі. Аднак палітычнае аб'яднанне не знішчыла цалкам лакальнай аўтаномнасці асобных зямель. Наяўнасць жа ў грамадска-палітычным жыцці ВКЛ як аб'яднальных, так і сепаратысцкіх тэндэнцый ускладняла працэс фарміравання беларускай народнасці.